

Ельцова Елена Власовна

МОТИВЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. К. ГАСТЕВА "БАШНЯ" В ТРАГИПОЭМЕ В. Т. ЧИСТАЛЕВА "МЕЗДЛУН ДОР?М" (КОВАНИЕ СВОБОДЫ)

В статье на основе сравнительного анализа художественных произведений А. К. Гастева и коми писателя В. Т. Чисталева впервые определяется степень воздействия русской пролетарской поэзии предреволюционных лет на формирование творчества коми писателя; исследуется процесс создания метризованной прозы в коми литературе 1920-1930 гг. Особое внимание уделено анализу ритмической организации произведений, анализу образов башни и нового человека-большевика, художественным приемам персонификации и гиперболизации, используемых русским и коми писателями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 69-73. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.
2. Грицанов А. А. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 3-е изд-е, испр. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
3. Искусство потребления. 2010. № 4.
4. Искусство потребления. 2011. № 7.
5. Я покупаю. 2007. № 10.
6. Gloria. 2006. № 5.
7. Gloria. 2008. № 3.
8. Longman Dictionaries Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.longmandictionariesonline.com/> (дата обращения: 27.04.2015).

**THE COGNITIVE AND CONNOTATIVE COMPONENTS OF THE INFORMATIONAL ESSENCE
OF ENGLISH-LANGUAGE LOAN WORD (BY THE MATERIAL OF PRINTED ADVERTISEMENT)**

Dedyukhin Andrei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Dedyukhina Anna Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Kuban State University
andrewdedukhin@gmail.com; anna_dedyukhina@mail.ru

The article examines the content of the notion of the informational essence of English-language loan words. The cognitive and connotative components are described; the examples of English-language loan words, taken from the Russian advertising texts (by the material of the printed advertisement) are presented and analyzed. The authors come to the conclusion that depending on the presence these or those components in the loan words Anglicism may either give a definition or new knowledge (cognitive component), or give the definition and the stylistic characteristics (connotative component).

Key words and phrases: cognitive component; connotative component; informational essence; English-language loan words; advertising message.

УДК 821.161.1-1.030=821.511.132-1

Филологические науки

В статье на основе сравнительного анализа художественных произведений А. К. Гастева и коми писателя В. Т. Чисталева впервые определяется степень воздействия русской пролетарской поэзии предреволюционных лет на формирование творчества коми писателя; исследуется процесс создания метризованной прозы в коми литературе 1920-1930 гг. Особое внимание уделено анализу ритмической организации произведений, анализу образов башни и нового человека-большевика, художественным приемам персонификации и гиперболизации, используемых русским и коми писателями.

Ключевые слова и фразы: русская пролетарская поэзия; коми литература; перевод; прозаическая миниатюра; трагипоэма; метризованная проза; образ; дактиль; персонификация; гипербола.

Ельцова Елена Власовна, к. филол. н.
Коми научный центр Уральского отделения РАН
alena.eltsova@mail.ru

**МОТИВЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. К. ГАСТЕВА «БАШНЯ»
В ТРАГИПОЭМЕ В. Т. ЧИСТАЛЕВА «МЕЗДЛУН ДОРЁМ» (КОВАНИЕ СВОБОДЫ)[©]**

*Работа выполнена при поддержке программы УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»,
проект № 15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур
в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX в.»*

В творчестве коми писателя В. Т. Чисталева (1890-1939) важную роль сыграла переводческая деятельность. Немалую долю в ней составляют переводы на коми язык произведений русской классической и современной поэзии. Особенностью восприятия В. Чисталевым иноязычной поэзии является то, что почти все произведения русских авторов в его переводах являются творческим переосмыслением, частичной перестройкой подлинника на основе стиля самого переводчика с учетом национальных особенностей коми культуры, коми языка, традиций, мышления и философии коми народа – произведениями, созданными по мотивам произведений других авторов.

Особый исследовательский интерес представляет произведение В. Чисталева «Мездлун дорём» (Кование свободы, 1923), созданное по мотивам прозаической миниатюры русского пролетарского поэта А. Гастева «Башня» (1913/1917), которое также можно считать и его вольным переводом. Эта работа сыграла значительную

роль не только в творчестве писателя, но и в развитии коми литературы 1920-30 гг. Ее анализ позволил определить степень влияния на формирование творчества В. Чисталева русской пролетарской поэзии, а также исследовать генезис и методы создания метризованной прозы в коми литературе XX в.

А. К. Гастев (1882-1939/41), один из «интереснейших представителей» [15, с. 11] и «наиболее значительная фигура» [7, с. 60] русской пролетарской поэзии дореволюционного периода, начал писать и публиковаться еще в 1904 г. Его творчество, пришедшее на время активного роста всей пролетарской поэзии, оказало существенное влияние на ее развитие. Первая книга стихов А. Гастева «Поэзия рабочего удара» вышла в 1918 г. и впоследствии неоднократно переиздавалась, а среди наиболее известных его произведений – стихи и прозаические миниатюры: «Мы растем из железа», «Башня», «Гудки», «Рельсы», «Кран», «Экспресс». За участие в подпольном революционном движении А. Гастев не раз подвергался арестам и ссылке, несколько лет жил и работал в эмиграции в Париже. Там, под впечатлением от Эйфелевой башни и строящегося парижского метро, им было написано произведение «Башня». В 1920 г. в Москве он стал организатором Центрального института труда (ЦИТ) и отошел от литературной деятельности.

А. Гастев, называвший свою поэзию «лирикой рабочего движения», «лирикой железа» [4, с. 13], устремлен в будущее: необычные, фантастические замыслы, индустриально-космические гиперболизированные образы и мотивы, революционную героинку и эмоциональность, романтизацию машинного мира он сочетал с пафосом научно-технического прогресса, строительства. В своих произведениях он славит достижения цивилизации, индустриализацию, создание нового мира, неизбежную победу рабочих, силу и красоту труда, преобразующего жизнь. О популярности писателя свидетельствуют множественные упоминания о нем в художественной литературе тех лет и в мемуарах: так, имя А. Гастева встречается в стихах пролетарских поэтов Н. Асеева и С. Обрадовича, с уважением и симпатией к нему относился В. Маяковский. В. Хлебников А. Гастевым восхищался: «Это обломок рабочего пожара, взятого в его чистой сущности... Ум его – буревестник, срывающий ноту на высочайших волнах бури» [17, с. 633], а С. Кирсанов во вступлении к последнему изданию книги А. Гастева «Поэзия рабочего удара» (1971) характеризует его как поэта, относящегося не только к наивному революционному детству советского искусства, а поэта действительного для сего дня, предвосхитившего самые смелые поиски русской и мировой поэзии [9, с. 6].

Чем же привлек коми поэта В. Чисталева, глубокого и нежного лирика, сельского учителя, восприятие действительности которого определяли «опора на традиционные культурные ценности и удаленность от бурно развивающихся цивилизационных процессов» [3, с. 156], образ железного гиганта – гастевской башни? Оригинальное творчество В. Чисталева возникло под влиянием революционных событий: Февральская, а затем Октябрьская революции 1917 г., создание Коми автономии в 1921 г., государственная политика в области культуры и искусства, способствовавшая «становлению и развитию профессионального искусства в границах, определенных идеологией» [8, с. 377], вдохновили его на создание собственных произведений на родном языке. Поэт искренне воспринял призыв революции – дерзать и творить в литературе, и, по мнению литературоведа В. А. Латышевой, для него «оказались чрезвычайно близкими и революционный пафос мысли этого возвышенного произведения А. Гастева, и стиль его строчек, суровый и романтический, и ритм прозы – отличительная черта творчества Чисталева-прозаика» [10, с. 85].

О взаимосвязи между художественным творчеством и исторической эпохой пишет А. Яффе: «...художник во все времена был орудием и выразителем духа своей эпохи. Сознательно или неосознанно он придает форму основным ценностям своего времени, которые, в свою очередь, формируют его самого» [19, с. 246]. В чем выражался «дух» эпохи В. Чисталева? И. И. Уляшевым в его статье «Литературный стиль и идеология 1920-1930-х годов» дается характеристика коми литературного процесса этого периода. В стилевом развитии коми поэзии, переживавшей небывалый подъем после революции 1917 г., исследователь выделяет два направления: собственно лирику с элементами элегии, неоднократно подвергавшуюся нападкам со стороны критики, и ораторско-декламационную поэзию, жизнеутверждающую и мажорную, поощрявшуюся критикой. Важно отметить, что родоначальником и «идеологом» первого течения исследователь называет именно В. Чисталева [16, с. 125]. При этом, поскольку основным качеством литературы в тот период стало революционное содержание, а идеологией всякое проявление индивидуальности в творчестве отрицалось, лирика первого направления свободно развиваться не могла. По этой причине многие писатели, в том числе и В. Чисталев, вынуждены были применять свой талант и в создании литературы господствующего направления [6; 11; 12].

В 1920-е гг. перед коми писателями также остро стоял вопрос о формах вновь создаваемой советской литературы. Он активно обсуждался на страницах периодической печати; поэты, и в их числе В. Чисталев, занимались поисками новых, наиболее органичных и подходящих для коми литературы, художественных форм, соответствующих и новому содержанию литературы. Он относился к той группе поэтов, которые «настойчиво добивались соответствия внешности своих стихов с тем новым миром, который они в них втесняли, и, чтобы обрести это соответствие, сами творили новые формы, новые метры, новый язык...» [1, с. 378].

Так, существенное воздействие на творчество коми писателя оказала популярная в русской литературе 1900-1920-х гг. метризованная проза и наиболее близкие В. Чисталева писатели, ее приверженцы, – К. Ф. Жаков, А. М. Горький, А. К. Гастев. В 1923 г. В. Чисталев выполнил перевод произведения А. Гастева «Башня», написанного трехсложниковой метризованной прозой. К воссозданию произведения русского современника на коми языке В. Чисталев подошел творчески: метризованную прозу А. Гастева он перевел белым дактилическим стихом и оформил в виде стихотворения, изменив при этом и название – «Мездлун дорѳм» (Кование свободы). С пометкой «По мотивам произведения А. Гастева «Башня» в 1924 г. произведение было опубликовано журналом «Коми му» (Земля коми). В. Чисталевым перевод не был завершен, однако в своих черновиках поэт

писал о значимости для него этого произведения, о сложностях, возникающих при работе над ним [18, с. 549]. Необходимо также отметить, что к моменту перевода «Башни» В. Чисталев уже имел подобный опыт преобразования оригинального прозаического текста в стихотворный: таким же образом в 1920 г. им было переведено на коми язык произведение М. Горького «Песня о Соколе» – «Төвйыв Варыш».

Примерно в то же время, когда шла работа по переводу «Башни», В. Чисталев и сам обратился к созданию оригинальной метризованной прозы. Уже в начале 1920-х гг. им были написаны прозаические произведения, ритм которых основан на трехсложном стихотворном метре: это «Поводдя вежсигон» (При перемене погоды, 1921), «Тулыс воём» (Наступление весны, 1921), «Гожом пом» (Завершение лета, 1922), а в дальнейшем и во всем творчестве писателя метризованная проза имела важное значение.

На стихотворное оформление гастевского прозаического произведения В. Чисталева мог натолкнуть сам текст оригинала: его ритмическая организация, ориентация на стиховой ритм стали основой творческого подхода поэта к переводу произведения.

Во-первых, «Башня» почти целиком выдержана А. Гастевым в дактилическом ключе, и это позволяет воспринимать текст как стихотворный. Так, уже первый его абзац – «На жутких обрывах земли, над бездною страшных морей выросла башня, железная башня рабочих усилий» – преобразован В. Чисталевым в стихотворение, в основе ритма которого также лежит дактиль с варьирующимся количеством стоп в строках: «Джуджыд, буждана кыр йылын, / Шуштгом, пыдбостом ва дорын – / Кыпбдчис-лэпгысис сийд, / Джуджыд корт башняис – / Уджалысь йоз кион мырдвийон вочом...» [Там же, с. 201] / На вершине высокого, осыпающегося обрыва, / У мрачной, бездонной воды – / Поднялась-вознеслась она, / Огромная железная башня – / Руками и напряженными усилиями рабочих людей построенная (здесь и далее перевод подстрочный с языка коми автора – Е. Е.).

Метризованная проза А. Гастева, разбитая таким образом на стихотворные строки, представляет собой тот же белый дактилический стих, который является одной из наиболее часто употребляемых литературных форм в оригинальном поэтическом творчестве В. Чисталева. Исследователь Е. В. Остапова дает характеристику семантической окраски дактиля в коми литературе 1920-х гг.: чаще всего в произведениях этого периода дактиль употребляется в стихах, посвященных значимым историческим событиям и драматизму этого времени [14, с. 179]. Кроме того, употребление дактилического размера в русском, а затем и в коми произведениях, вероятно, объясняется и влиянием на авторов популярной в начале XX в. «рабочей теории происхождения ритма» К. Бюхера¹, согласно которой трехсложный дактиль с его ударением на первом слоге может быть генетически и ассоциативно связан с метрами удара молотом [2, с. 267], в данном случае – с ритмом стучащих молотков, кующих башню – миллиардами рабочих ударов, которые «гремят в этих отзвуках башни железной» [4, с. 122]. Об этом пишет и К. Л. Зелинский, называя произведения А. Гастева белым стихом и объясняя его отказ от рифмы стремлением к большей экспрессии, к созданию новой, более гибкой и многогранной, формы, «приближенной к ритмам самой революции» [7, с. 61, 64].

Во-вторых, в самом тексте «Башни» есть фрагменты стихотворений, что позволяет преобразовать и весь остальной текст произведения в стихотворный. Например:

О, иди,
И гори,
Пробивай своим шпилем высоты,
Ты, наш дерзостный башенный мир! [4, с. 123].

В-третьих, заметную ритмообразующую роль в «Башне» играют абзацы. Все они примерно одинаковой величины: состоят из одного-двух предложений, внешне напоминающих стихотворные строфы и аналогичных им по своему построению. Каждый абзац, благодаря особенностям ритма произведения, делится на несколько частей, имеющих клаузулы, как в стихотворении. А строфичность, по мнению Ю. Б. Орлицкого, может выступать даже единственным агентом стиха в прозаической структуре, внося в нее регулярный вертикальный порядок, соотносимый со стиховым [13, с. 28-29]. Все это и позволило В. Чисталеву представить прозаическое произведение А. Гастева в стихотворной форме. Героический и романтический пафос, его содержание казались поэту коми более свойственными стиху, наиболее популярному в первые годы существования советской коми литературы. Преобразуя прозу в стих, коми поэт вносит в произведение и свое творческое начало: он раскрывает лирико-героическую суть произведения А. Гастева, выдвигает его стихотворные качества на передний план.

Произведение А. Гастева написано в жанре литературной утопии: ведущим в ней является образ воздвигаемой из железа и бетона миллионами рабочих рук «чудовища-башни», в котором «в наглядной пространственной форме выражается самая суть утопии как конструкции идеальной жизни» [5, с. 145]. Образ утопического здания у А. Гастева окрашен библейскими реминисценциями о вавилонском столпотворении. При этом, как утверждает немецкий исследователь Х. Гюнтер, в духе пролетарской традиции автор понимает сооружение башни как акт прометеевского бунта, целью которого является создание невиданного, нового человека-творца [Там же, с. 147], всемогущего и разумного существа с железной волей, стоящего во главе угла и выступающего как полнокровная личность, будущий творец культуры и хозяин жизни.

В образе этого человека А. Гастевым представлен обобщенный образ рабочего – «вечно растущего работника-творца», человека труда, пролетария-титана, создающего новый, светлый и счастливый, мир. Огромный, всемогущий, как в стихотворении «Мы растем из железа» (произведении, перекликающемся с мотивами «Башни»), он вырастает из железа станков, молотков и вагранок над строящимся зданием, «сливается с жизнью машин, становится одной из их необходимых частей» [1, с. 379]: «В жилы льется новая,

¹ Книга немецкого исследователя К. Бюхера «Работа и ритм» была впервые опубликована в 1896 г.

железная кровь. / Я вырос еще. / У меня самого вырастают стальные плечи и безмерно сильные руки. / Я слился с железом постройки. / Поднялся. / Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу. / Ноги мои еще на земле, но голова выше здания» [4, с. 19].

При этом А. Гастевым в «Башне» часто используется прием персонификации, позволяющий услышать «за металлическим скрежетом биение живого сердца человека» [7, с. 56]. Гигантская башня из стали и железа предстает в произведении как живой человек-исполин, который дышит, поет, растет, трепещет, гудит, мыслит, стремится ввысь: «рельсы и балки *вздымаются* кверху, *жмутся* друг к другу, *бьют и ловят* друг друга» [4, с. 121]; «сплетенья *гудят и поют*, металлическим *трепетом бьются, дрожат* лабиринты железа» [Там же, с. 122]; «*ходят тяжелыми ходами* гаммы железные, *хоры* железного *ропота рвутся, зовут*» [Там же]; «*гудят лабиринты*» [Там же]; «железо, покрытое ржавчиной времени, это – *мысль*, вся серьезная, хмурая *дума* эпох и столетий» [Там же]; «*навзрыд зарыдают* октавы тяжелых устоев, *задрожит*, заколеблется башня» [Там же]. Образы «очеловеченного» железа и железного человека – символы нового мира, раскрывающие особенность творчества А. Гастева, в котором не только человек сделан из железа, но и железо очеловечено.

Персонифицирует образ башни в своей работе и В. Чисталев: «И пыр сійō отитор, / Отитор уджалысь йōз йбыльсь / *Висьталō-сьылō*» [18, с. 202] / «И все она одно, / Одно и то же о работающих людях / *Рассказывает-поет*»; «Матичяс вылō мōд судта сюръяяс / Бара жō *сōлōны* уна!» [Там же, с. 203] / «На матицы многочисленны столбы / Опять же *садытсья*»; «Сідзи пыр отарō: вылōджык-вывлань, / Ёнджыка, збойджыка, повтōджыкпырысь, / *Кыптōны-кайōны* енэжлань, / *Жмитчōны* мōда-мōд берданьс, / *Кыскōны-кутōны* янсалōм-усьōмысь / Башнясō вōчан кōрт торьясыс» [Там же] / «Так все дальше: выше-кверху, / Сильнее, смелее, бесстрашнее, / *Поднимаются-растут* к небу, / *Жмутся* друг к другу, / *Тянут-удерживают* от разделения-падения / Башню куски железа»; «*мурōны-сьылōны* кōрт тасьяс» [Там же] / «*гудят-поют* перекладины»; «башня сёрнияс *кылō*» [Там же] / «башня разговоры *слышит*».

Как и в легенде о строительстве Вавилонской башни, образ железной башни у А. Гастева является символом революции и олицетворением человеческой гордости, величия человека и всего советского народа, способного ценой невероятных усилий создать новый мир. А прием персонификации, используемый А. Гастевым и В. Чисталевым, призван возвеличить нового человека-большевика, утвердить его как высшую ценность. При этом в его образе предстает не отдельно взятая личность – индивид, а коллективное «мы», под которым подразумевается весь многонациональный советский народ. Вероятно, на создание перевода произведения А. Гастева коми поэта воодушевила также и эта гордая идея – грандиозное завершение строительства культуры народами, объединенными алым знаменем революции. Как и другим писателям того времени, В. Чисталеву верилось, что и его небольшой, до той поры малоизвестный и малозначимый родной народ, редко заявлявший о себе, сможет сказать свое слово в деле строительства новой культуры. Образ нового человека – большевика – через несколько лет появится и в его собственном творчестве – в поэме «Му вежан-дыр» (Обновление земли, 1927). Но, в отличие от гастевского рабочего-пролетария, он тяготеет больше к образам крестьянским: у В. Чисталева большевик – это крестьянин-землепашец, сеятель новой жизни: «Кыськō чужи, / петис-локтис / выль морт – / большевик. / Локтис, сувтис, / гора шуис: / «Коді Гōрд му / понда олō – / Мунам, / огō полō!<...> Важлысь лōпсō / тылаōс моз / ректис, / кōрт плуг-гōрйōн / пыдī гōрис – / кōдзис / кōй-дыс выль [Там же, с. 335-336] / «Откуда-то родился, / пришел / новый человек – / большевик. / Пришел, встал, / громко сказал: / «Кто живет / ради Красной земли – / Вперед, / не будем бояться! <...> Старый хлам, / как подсеку, / выжег, / железным плугом / землю глубоко вспахал – / посеял / новые семена».

Как и всей пролетарской поэзии, творчеству А. Гастева свойственна гиперболизация: все образы в его произведениях чрезмерно преувеличены. Так, башня, построенная миллионами рабочих рук из бетона, железа и стали, огромна, высока, тяжела: основанием она стоит на обрыве, у бездонного моря, на топких болотах; за землю держится впивающимися в бетон железными лапами-устоями; сверху ее «венчает прокованный, светлый, стальной, весь стремление к дальним высотам – шлифованный шпиль» [4, с. 122], разрывающий и разбрасывающий облака, провожающий ночью луну, спорящий с солнцем, летящий высоко.

В произведении В. Чисталева гиперболизация не только сохраняется, но и усиливается благодаря множественному употреблению парных глаголов (в отличие от парных существительных А. Гастева «лапы-устои», «труд-напряженье», «чудовище-башня», «рупор-гигант») «сатшкōма-зарскōма», «кыпōдчō-ёсьтысьсō», «косявлō-раздō» / «воткнут-вонзен», «поднимается-пронзает», «разрывает-рассеивает»: «Кōрт башня юрйылас, / Тыдыштан туганас, / Сатшкōма-зарскōма, веськыда чурвидзō, / Югьялō ем ййв моз, / Кыпōдчō-ёсьтысьсō, / Кымōрсō розьдō – / Енэжас сатшōма шпиль! / Ачыс нин енэж кодь, ачыс нин судзтōм кодь! / Кымōрсō гōгōрсьыс косявлō-раздō, / Шыблалō лестукōн пемыдысь нойтъяссō» [18, с. 204] / «На самой верхушке железной башни, / На виднеющемся конце, / Воткнут-вонзен, прямо выступает, / Сверкает, как острие иглы, / Поднимается-пронзает, / Прокалывает облако – / В небо вонзается шпиль!», а также за счет повторов и построения однотипных синтаксических конструкций. Так, делая акцент на трудном и жертвенном строительстве рабочими своей свободы, В. Чисталев в несколько раз увеличил строку А. Гастева «Долго работники рыли <...>», которая в коми варианте преобразилась в «Дыр сы вылын мырсины, / Кузь пōра уджалісны! / Дыр тырмис подувсō, / Пōтшвасō сылысь / Лōсьōдны-паньны...» [Там же, с. 201] / «Долго над ней корпели, / Долгую пору работали! / Долго пришлось основу, / Фундамент ее / Устанавливать-строить». Лексические и синтаксические повторы усиливают ритмичность поэмы В. Чисталева, нагнетая его смысловую и эмоциональную наполненность.

Важную роль в произведении В. Чисталева играют глаголы, описывающие труд рабочих – строителей башни, их подробное перечисление в нескольких, рядом стоящих строках произведения: «удж пуō» / работа кипит, «камгōны-вōчōны» / стучат-делают, «йитлōны» / соединяют, «тэчōны» / складывают, «пузьдōны» /

приваривают, «дондѳны» / накаливают. Это также создает гиперболизированный образ рабочего труда, его мощь и своеобразную красоту.

Жанр произведения коми поэтом В. Чисталевым определен как трагипоэма. Это связано, прежде всего, с идеей жертвенности при создании нового мира. Несмотря на приподнято-торжественный тон повествования и революционный пафос, В. Чисталев понимал, что революция связана с кровопролитием, борьба за свободу – с многочисленными жертвами, а строительство нового – с тяжким трудом. Не чувство победы, ликования и радости положены им в основу произведения, а трагедия, гибель людей. Работая над этим произведением в 1923 г., В. Чисталев, может быть, уже предчувствовал, что строительство нового мира обернется личной трагедией и для него самого – певца новой жизни, – и для многих его современников-писателей: «Шогыс эзн, шогыс мыйта эз вѳв!.. / Кияс и кокъяс чегъясис уна, / Сюрсаа лыяс оръясис уджалысь йѳзыслѳн! / Доймысьыс, усысьыс вылъясьыс кымын эз вѳв! / Башня гѳгѳрыс морт шойыс туплясис мыйтѳм!!! <...> Куліны, эз лоны унаѳн. / Тѳдтѳмѳсь колины: казтывтѳг, / Бѳрдѳдтѳг, ошкыштѳг... / Повтѳм съѳлѳмъяс унаѳн пуктисны / Ассьыныс ловнысѳ / Сійѳ башнясѳ вѳчигѳн!..» [Там же, с. 201] / «Горя там, горя сколько было!.. / Рук и ног поломалось много, / Позвоночных костей разорвалось у рабочих людей! / Раненых, падающих сверху сколько было! / Сколько тел человеческих валялось вокруг башни!!! <...> Многие тогда умерли, многих не стало. / Остались они неизвестны: без воспоминания, / Без оплакивания, без похвалы... / Много бесстрашных сердец / Свою душу отдали / На строительство этой башни!».

Пролетарская поэзия – это в основном поэзия малых форм. Произведение А. Гастева «Башня» – также прозаическая миниатюра. Однако именно миниатюра русского писателя послужила основой для трагипоэмы В. Чисталева и подготовила почву для крупного лиро-эпического жанра в его творчестве – поэм «Му вежан-дыр» (Время обновления земли, 1927), «Ленин гу дорын» (У мавзолея Ленина, 1927).

Список литературы

1. Брюсов В. Я. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Брюсов В. Я. Ремесло поэта: статьи о русской поэзии / сост., послесл. и примеч. Л. Асанова. М.: Современник, 1981. С. 345-385.
2. Бюхер К. Работа и ритм. Роль музыки в синхронизации усилий участников трудового процесса. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. 344 с. (Академия фундаментальных исследований: этнология).
3. Васильев И. Мир глазами коми поэтов первых советских десятилетий // Арт. 2009. № 4. С. 150-157.
4. Гастев А. Поэзия рабочего удара. М., 1971. 304 с.
5. Гюнтер Х. Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: мат-лы второй Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова (17-19 окт. 1994 г.). М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 145-151.
6. Дымшиц А. Л. Поэзия пролетарской революции // Революционная поэзия (1890-1917). Л.: Сов. писатель, 1959. С. 5-54.
7. Зелинский К. Л. На рубеже двух эпох. Литературные встречи 1917-1920 гг. Изд-е 2-е. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962. 310 с.
8. История Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2-х т. / под ред. А. Ф. Сметанина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. 704 с.
9. Кирсанов С. Слово о Гастеве // Гастев А. Поэзия рабочего удара. М., 1971. С. 3-7.
10. Латышева В. А. Певец родного народа // Классики и современники: статьи о литературе. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 83-86.
11. Немцов В. И. Параллели сходятся. М.: Сов. Россия, 1969. 448 с.
12. О политике партии в области художественной литературы (Резолюция ЦК РКП(б) 18 июня 1925 г.) // КПСС о культуре, просвещении и науке: сборник документов. М.: Политиздат, 1963. С. 151-155.
13. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе: очерки истории и теории. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 200 с.
14. Остапова Е. В. XX нэмса коми поэзияын дактильлѳн рѳмсер // III Савинские чтения: мат-лы республ. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2005. С. 177-182.
15. Паперный З. Пролетарская поэзия первых лет советской эпохи // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 5-74.
16. Уляшев И. И. Литературный стиль и идеология 1920-1930-х годов // III Савинские чтения: мат-лы республ. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2005. С. 124-128.
17. Хлебников В. О современной поэзии // Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 632-633.
18. Чисталев В. Т. Ния. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. 592 с.
19. Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг К. Г. фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Яффе А. Человек и его символы / под общ. ред. С. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. С. 227-268.

MOTIVES OF THE WORK BY A. K. GASTEV "THE TOWER" IN THE TRAGIC POEM BY V. T. CHISTALEV "FORGING FREEDOM"

El'tsova Elena Vlasovna, Ph. D. in Philology
Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
alena.el'tsova@mail.ru

The article on the basis of the comparative analysis of the literary works by A. K. Gastev and Komi writer V. T. Chistalev for the first time identifies the level of influence of the Russian proletarian poetry of the pre-revolutionary years on the formation of the Komi writer's creative work; the author examines the process of creating metrized prose in the Komi literature of the 1920-1930s. The special attention is paid to the analysis of rhythmical organization of the works, analysis of the images of tower and a new human-Bolshevik, artistic devices of personification and hyperbolization used by the Russian and Komi writers.

Key words and phrases: Russian proletarian poetry; Komi literature; translation; prosaic miniature; tragic poem; metrized prose; image; dactyl; personification; hyperbola.